

ЗАМЕТКИ О РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ЛИТЕРАТУРАХ ВОСТОКА

И. БРАГИНСКИЙ

Реализм в литературе — явление историческое: как сложившееся направление он выступает в условиях преобразования общества — смены феодализма буржуазным обществом (критический реализм), низвержения капитализма и победы социализма (социалистический реализм). Реализм имеет глубокие традиции: стремление к правдивому отражению действительности было свойственно передовой литературе на всем протяжении ее развития.

В большинстве стран Востока смена феодализма капитализмом, как известно, значительно запоздала по сравнению со странами Запада по ряду исторических причин, среди которых особое, роковое значение имела колониальная экспансия западных держав. Феодальные отношения, пережитки средневековья, намеренно консервируемые колонизаторами, сдерживали процесс экономического развития восточного общества и наложили свой мертвящий отпечаток на всю его культуру последних веков. Именно этим следует объяснить то, что у народов Востока в отличие от Запада не сложилась, не расцвела в полной мере в XIX веке литература критического реализма с ее характерными жанрами романа и социальной драмы. Именно этими конкретными историческими условиями объясняется подобное положение, а вовсе не некоей особой «душой Востока», которой якобы свойственны мистическая созерцательность, отрешенность от жизни и реальной действительности, вечное любовное «розовое и соловьиное», как в этом пытается уверить нас кое-кто.

О том, насколько фальшивы такие уверения, свидетельствует вся действительная картина исторического развития восточных литератур. Если взглянуть на нее без предвзятости и без шор на глазах, можно убедиться, что, как и во всей мировой литературе, в поэтическом творчестве народов Востока постоянно сталкиваются, борются между собой различные, часто противоположные идейные взгляды, мнения и оценки, разнообразные методы и способы словесного оформления, стилистические приемы и т. д. Во всех этих спорах, сквозь пеструю амальгаму идей, образов и индивидуальных почерков писателей проницательный взгляд историка сумеет различить закономерную борьбу двух тенденций — передовой, общенародной и аристократически-ограниченной, тянущей назад.

Не всякий писатель, особенно писатель древности и средневековья, четко осознает свою роль выразителя определенной линии в литературе; сын своей эпохи и класса, он обычно проявляет известную ограниченность, колебания, бывает внутренне противоречив, но объективное значение творчества того или иного писателя, общенародность или сословная узость, прогрессивность или реакционность, а отсюда и бессмертие или забвение его произведений — все это ездешено на весах истории. Многочисленный рой панегиристов, славословивших на всевозможных языках царский блеск и деспотическую власть человека над человеком, стяжавших при жизни именитость и почет, давно и прочно забыт, но вечно будут жить имена и творения блестящего созвездия поэтов Танской эпо-

К КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Таджикское государственное издательство выпускает к конференции серию книг писателей зарубежного Востока. Уже выпущены в свет «Рассказы» Мао Дуня, «Письмо с пегушинными перьями» Хуа Шаня, «Рассказы» Го Мо-жо, «Десять маленьких друзей» Сан Шан-фэя, «Рассказы», «Родное село» Лу Синя, «Ураган» Чжоу Ли-бо, «Рассказы о людях необычайных» Пу Сун-лина, «Китайские народные сказки», «Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза» Пын Мина, «Друзья-пионеры» Чжан Тянь-и, «Крушение» Рабиндраната Тагора, «Индийские рассказы», «Индонезия обвиняет» Сукарно, «Дьявол внутри нас» и «Малыш Хасан» Сабахаттина Али и другие.

Примечательно, что произведения афганских и иранских писателей таджики будут читать на языке оригиналов, что свидетельствует о древнейших связях, общности культуры и языка таджикского, афганского и иранского народов.

Издательство Туркмении готовит к предстоящей конференции книжную выставку, на которой будут представлены произведения авторов, переводы книг азиатских и африканских писателей, лучшие издания книг классиков западной литературы, выпущенных в республике на туркменском языке. Для любителей старинной восточной литературы в республике сделаны фотокопии рукописей Махтумкули, Сенди, Зелили, Кемине, Азади и других, хранящиеся в фонде Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР.

Написан очерк «Туркменская литература», который переводится на иностранные языки. Цель его — наиболее ярко и полно показать зарубежным друзьям достижения туркменской культуры за годы советской власти.

В Армении изданы сборники «Китайская поэзия», «Корейские рассказы» и другие в переводах армян-

ских литераторов. В скором времени выйдут в свет сборник «Арабская поэзия». В журнале «Советская литература» печатаются статьи о литературе арабских стран, Индии, Южной Африки, Японии, Китая.

Выпуск книг писателей стран Азии и Африки занимает в тематических планах издательства Азербайджана все большее и большее место. Только за последние годы на азербайджанском языке было выпущено 55 книг писателей Востока общим тиражом, превышающим 510 тысяч экземпляров. Азербайджанцы читают на родном языке произведения Лу Синя, Хуа Шаня, Рабиндраната Тагора, Кришны Чандара, Ходжа Ахмада Аббаса, Прем Чанда, Мульк Радж Ананда, Назыма Хикмета, Сабахаттина Али и других писателей.

В связи с Конференцией писателей стран Азии и Африки вышло и выходит много новых книг. Недавно на книжных полках появился сборник «Рассказы иранских писателей». Издательство «Азернешр» выпускает роман Рабиндраната Тагора «Крушение», сборники «Арабские рассказы», «Дружба и мир». Очерки об азербайджанской литературе М. Арифа издательство выпускает на азербайджанском, русском, арабском, фарсидском и английском языках. На азербайджанском, русском, фарсидском, турецком издается очерк «Азербайджан». Детониздат выпускает «Сказки стран Азии», роман Ахмада Аббаса «Сын Индии» и книгу рассказов Сабахаттина Али «Малыш Хасан».

Как и во всех республиках Советского Востока, в Казахстане создана комиссия содействия Советскому подготовительному комитету. Главная ее задача — ознакомить казахов с творчеством народов зарубежного Востока, с произведениями прогрессивных писателей Азии и Африки. К началу конференции будет издано 22 названия книг, переведенных на казахский язык. Уже сейчас читатель получил романы индийских писателей Рабиндраната Тагора «Крушение» и П. Ганда «Колодец Тхакура», а также сборник индийских сказок. Выходят в свет рассказы китайского писателя Лу Синя, афганские и вьетнамские сказки. Подготовлены к печати избранные произведения Го Мо-жо, Мао Дуя. Скоро поступит в продажу сборник «Поэты Азии и Африки».

Книги зарубежных писателей, переведенные на казахский язык, в дни работы конференции будут представлены на выставке литературы в Ташкенте. Организуется и выставка произведений писателей и поэтов Казахстана — Джамбула, М. Ауэзова, С. Муканова и других.

Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюй-и, великих индийских драматургов Калидаса и Шудрака, гениальных Фирдоуси и Абулала ал-Маари, которых, при всей их индивидуальной творческой самобытности, объединяет трепетная забота о судьбах человечества, высокая мечта о счастье народа.

Если проанализировать то общее, что свойственно методам художественной изобразительности выдающихся представителей передовой, народной линии в литературах Востока (учитывая опять-таки жанровые, стилистические и индивидуальные различия), можно заметить у всех неукротимое стремление к правде, к истинности обобщения действительности, к естественности ее изображения, к вторжению своими произведениями в реальную жизнь — одним словом, к реалистической тенденции в художественном творчестве.

Не следует, однако, понимать упрощенно это стремление к реалистическому изображению. Восточные поэты, как известно, никогда не были склонны к фотографированию плоскостей жизненных явлений; пытались проникнуть в глубь их, они пускали в полет птицу своего воображения, не останавливаясь порою перед необузданной фантазией, символикой; сказочно-романтический нимб сияет над чело излюбленных героев восточных поэм. Однако у великих классиков Востока все это — лишь средства для более верного раскрытия правды жизни, сущности действительности, а не ухода от реальности.

Эту особенность прекрасно сумел распознать и оценить такой выдающийся теоретик реалистического искусства, как Н. Г. Чернышевский, писавший в своей книге «Повести в повести», что он не знает в мировой литературе произведения лучшего, чем «1001 ночь».

Своеобразие реалистической изобразительности в восточных литературах корнями своими уходит в фольклор, заимствуя у него, в частности, чудовищное сочетание фантазии с точностью передачи бытовых деталей. Это можно наблюдать на примере такого литературного памятника древности Китая, как «Шицзин» (XII—V века до нашей эры). Китайский ученый Гао Хэн правильно пишет об этом произведении: «В песнях крестьян описывается главным образом их трудовая деятельность, эксплуатация и угнетение их землевладельцами, описывается их многотрудная жизнь, их мысли и чувства против эксплуатации и гнета, их классовая ненависть... Это произведения в высшей степени реалистические и народные».

У восточных авторов мы находим и теоретическое обоснование реалистической изобразительности. Бо Цзюй-и (772—846 годы) прямо утверждал, что «...литературное произведение должно соответствовать времени, стихи должны соответствовать действительности»¹. Неправда ли, неплохое определение сущности реализма, которое мы можем вполне повторить и в наши дни!

В арабской и иранской поэтике в течение нескольких столетий не прекращался спор о том, какие образы наиболее прекрасны — истинные или вымышленные, — спор, начало которому положил Хасан Ибн Сабит в начале VII века замечательным сформулированным афоризмом в защиту реалистических образов: «Лучший стих тот, о котором говорят: это правда». Против этого выступали сторонники той эстетики, кредо которой — «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», которая предельно лаконично и утрированно излагает свою точку зрения на стих: «Наилучшее — наилживейшее».

Мудрый Саади порицал поэта Захира Фарьяби за следование этому принципу, за то, что тот в безудержной погоне за гиперболой «складывал семь небес к стопам падишаха» в своих панегириках. Сам Саади ратовал за правду в поэзии:

Саади, боязни чужда твоя речь,
К победе иди, если поднял ты меч!
Всю правду яви! Все, что знаешь, открой!
Прочь речи корысти с их лживой игрой!
Иль смолкни, чтоб жар твоей мудрости чах,
Иль, алчность отринув, будь волен в речах².

Не случайно основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни назвал Саади одним из первых крупных реалистов мировой литературы: «Не только в своих новеллах, но и в лирических стихах он никогда не отрывается от реального, от действительности. Его сравнения и метафоры всегда естественны и логичны, а его произведениях вы не найдете ничего противоречащего здравому смыслу или чего-нибудь

¹ Бо Цзюй-и. Четверостишия, М., 1951, стр. 14.

² «Антология таджикской поэзии», М., 1951, стр. 353.

такого, что не соответствовало бы действительности, реальным фактам»³.

На примере литератур народов Ближнего и Среднего Востока можно отметить некоторые своеобразные черты «восточного реализма» эпохи средневековья.

Выразители реалистической тенденции в этих литературах стремились обычно не столько к правде деталей (чем они часто пренебрегали), правде отдельного факта, сколько к правде существа, смысла явления, причем отстаиваемая ими идея воплощалась обычно в духе романтической приподнятости, с большой склонностью к фантастике, гиперболе, символу. Примером может служить «Шах-намэ» Фирдоуси. Это величественная эпопея, сотканная из мифических сюжетов, из фантастически изображаемой борьбы богатырей Ирана за независимость своей родной земли. Но в этой форме, фантастической и сказочной, поэт передает великую правду борьбы народа против иноземных завоевателей, идею единства всех иранских народов, прекращения междоусобиц перед лицом опасности, грозящей родной земле.

В «Шах-намэ» встречаются также отдельные сценки, празднество и точно передающие быт, отдельные бесспорно реалистические детали. Однако реалистическая тенденция «Шах-намэ» — это прежде всего большая правда действительности, переданная в художественных образах огромной силы. Таков, например, и образ центрального героя «Шах-намэ» Рустама. Поэт не изображает его в манере, свойственной западному писателю-реалисту, не дает ни деталей его облика, ни деталей его характера, настроений и переживаний. Каждый по-своему, как указывал Н. Г. Чернышевский, дорисует и нарисует этот образ, но основное в Рустаме — то, что он предстает перед нами неукротимым борцом за правду, за счастье родного народа, за справедливость — передано поэтом так правдиво, с такой убедительностью, что образ Рустама прошел сквозь века и сохранился в сердце народа в той его сущности, которую выжил поэт.

Обратимся к лирике. Представление о том, будто восточной поэзии свойственны вечные мотивы «розы и соловья» или «мотылька и свечи», как уже отмечалось, довольно банально и основано обычно на незнакомстве с этой поэзией. Если оно в какой-то мере оправдано по отношению к эпиграмам, то в отношении классиков оно глубоко ошибочно. Достаточно привести одну из газелей Хафиза:

Хмельная, опьяненная, луной озарена,
В шелках полурасстегнутых и с чашей вина
(Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ),
Хохочущая, шумная, пришла ко мне она.
Пришла и села, милая, у ложа моего:
«Ты спишь, о мой возлюбленный? Взгляни-ка, я пьяна!»
Да будет век отвергнутый самой любовью тот,
Кто этот кубок пенный не осушит до дна...

Это лишь одна из многих газелей, подобные которой мы можем найти у Хафиза, Камоля, Навои, Джами, Хилоли и других поэтов. Во всех этих газелях в форме, отнюдь, конечно, не сходной с западными реалистическими стихотворениями, настолько глубоко и правдиво передаются живые человеческие чувства, жизненный образ лирического героя, что можно смело говорить о существовании в восточной лирике, наряду с мистической и всякими иными тенденциями, и реалистической тенденции.

Следующей своеобразной чертой является то, что в центре внимания восточного поэта находится положительный герой. Может быть, в этом и состоит особенно бросающееся в глаза отличие «восточного реализма» от критического реализма Запада. Восточные произведения знали, конечно, и отрицательных героев, например царя-дракона Заххака, или свирепого тирана Хаджаджа, или вообще образ несправедливого царя-деспота. Но не эти образы занимают центральное место в произведениях, а отсюда и в сознании их читателей и слушателей. Такими центральными образами являются и славный Рустам, и знаменитые Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, и образ правдолюбца — нищего поэта. Вряд ли кто из западных авторов может похвастаться такой популярностью своих героев в народе: ведь образы Рустама, Лейли или Меджнуна известны и дороги буквально любому человеку на Востоке.

При этом и положительные образы чаще всего свойственные восточной литературе, и отрицательные изображаются не во всех противоречивых и многообразных проявлениях человеческого характера, а как

НОВОЕ, АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ФИЗУЛИ

Советская общественность готовится торжественно отметить 400-летие со дня смерти великого азербайджанского поэта и мыслителя Мухаммеда Физули.

До настоящего времени полное собрание сочинений Физули ни разу не издавалось. В Тавризе, Стамбуле, Ташкенте, Хиве, Баку и других городах неоднократно выпускались только «Диван» и поэма «Лейли и Меджнун». Отдельные отрывки из произведений Физули выходили на французском, английском, немецком, русском, армянском и многих других языках.

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР наметило выпуск пятитомного собрания сочинений Физули. Первый, второй и третий тома читатели получат в нынешнем году, четвертый и пятый — в 1959 году.

Первый том, открывающийся статьями «Об издании произведений Физули» профессора Г. А. Араслы и «Лирика Физули» профессора Мир Джалала, включает предисловие к «Дивану», написанное самим поэтом, газели, рубаи и другие жанры классической азербайджанской поэзии. В основу этого тома лег самый древний из известных научному миру вариантов «Дивана». В конце книги даны тексты других вариантов этого произведения и словарь.

Первый том собрания сочинений Физули уже поступил в книжные магазины.

Второй том включает знаменитую поэму «Лейли и Меджнун», «Бэнгу-Бадэ» (Гашиш и вино), «Сохабуль-асмар» (Беседу плодов), политическую сатиру «Шинкает-наме» (Жалобу), письма Казим Ала-аддину, Ахмед-беку и Баязиду Челеби. Кроме того, в него вошли выполненные Физули переводы произведений выдающегося таджикского поэта Джами «Хадиси арбаин» (Сорок преданий), тексты вариантов и словарь.

Третий том состоит из вступительной статьи «О фарсидском диване Физули», предисловия, написанного к «Дивану» самим поэтом, переводов газелей, касыд и других поэтических произведений.

Четвертый том, открывающийся вступительной статьей «О касыдах Физули», содержит предисловие поэта, касыды, написанные им на азербайджанском языке, и переводы с арабского и фарси.

³ С. Айни. Шайх Мусихиддин Саъдин Шерози, Сталинабад, 1942, стр. 47—48.

В пятый том включены переведенный с арабского языка философский трактат «Матла-уль-Итикад» (Начало убеждения) и с фарси — «Хафт джам» (Семь чаш) и другие прозаические произведения. Книге предпослана вступительная статья о прозе Физули.

К художественному и полиграфическому оформлению издания привлечены лучшие художники и графики республики.

Академическое издание собрания сочинений Мухаммеда Физули — ценный вклад в подготовку к 400-летию со дня смерти поэта. Это издание будет иметь большое научное значение в деле изучения литературного наследия великого Физули.

КОРОТКО О КНИГАХ

Омар Хайям. Рубаи.
Перевод с таджикского (фарси), Сталинабад, Таджикгосиздат, 1957, 116 стр.

18 мая 1048 года в Нишапуре (Иран) родился человек, имя которого навсегда записано на страницах истории. Омар Хайям — философ и математик, астроном и полиглот, исследователь алгебраических формул, составитель одного из самых совершенных календарей — известен всему миру как автор нескольких сот четверостиший, каждое из которых — образец поэзии, гармоничный синтез мысли и чувства.

Убежденный гуманист, сторонник стихийного материализма, Хайям зорко вглядывается в мир. Он умеет видеть горечь жизни, не отказываясь от ее радостей. Перед лицом насилия он воспекает свободу человеческой личности, издается над ханжами, лицемерами и святошами. Ему ненавистно преклонение перед авторитетами, он проповедует вольномыслие и жизнерадостное восприятие мира.

Маленькая книга его четверостиший, недавно выпущенная в Сталинабаде, — ценный подарок советскому читателю, который горячо любит великого мудреца и поэта.

определенные типы, рупоры авторской идеи, носители раз и навсегда устоявшихся, отлившихся черт — благородства и мужества, верной и жертвенной любви или беспредельной жестокости и т. п. — одним словом (если употребить известное выражение К. Маркса), не столько «пошлоспировски», сколько «по-шиллеровски». В этом сказывается и особенность, а также и незрелость реалистической тенденции на Востоке, что так отличает ее от сложившегося позже, в иных исторических условиях классического критического реализма Запада.

Говоря о восточных классиках, следует отметить, что почти всем им свойственно внесение эмоционально-лирического, более того — субъективного момента в свой рисунок, в свое изображение лиц, событий и человеческих переживаний. Лирическая окрашенность и эмоциональность очень характерны для выдающихся представителей реалистической тенденции в восточной литературе.

Свои особенности, прежде всего пристрастие к точности бытовых деталей, с одной стороны, и склонность к гротеску, с другой, имеет реалистическая изобразительность в изобличительной, сатирической литературе Востока, к которой вполне подходит известное определение Н. Г. Чернышевского: «сатирическое направление составляет самую живую струю нашей литературы». Возможно, именно богатой сатирической традицией азербайджанской литературы XVII—XIX веков можно объяснить то, что здесь во второй половине XIX века, в изменившихся исторических условиях (и не без творческого воздействия русской литературы), в произведениях Мирзы Фатали Ахундова, стало складываться — впервые на Востоке — направление критического реализма.

В литературах Дальнего Востока реалистическая струя разлилась в том могучем литературном направлении, которое Н. И. Конрад называет «гуманистическим», возводя его начало к китайскому гуманизму VIII века. Он же убедительно показал на примере «Поэзии о Гендзи» (XI век), как в японской литературе задолго до европейских образов создан роман нравописательный и в то же время философский, дающий всю систему мировоззрения и при этом реалистичный по своему облику.

Крупнейшим выразителем критического реализма в литературах народов Дальнего Востока, как доказали последние исследования, должен быть признан Лу Синь. При этом для него, как для писателя, связавшего свою деятельность с великой освободительной борьбой китайского народа, характерно, что он уже вплотную подходит к литературе социалистического реализма.

Знаменитые русские писатели-реалисты XIX века, как известно, признавали, что все они «вышли из гоголевской «Шинели». В каждой большой восточной литературе была своя «Шинель».

Для китайской литературы — это была «Подлинная история А-Кью» Лу Синя, для арабских литератур — повесть «Умерший Ханна» Омара Фахури, для среднеазиатских литератур — «Приключения бедняка Одины» Садриддина Айни. Во всех этих повестях, столь национально и творчески различных, есть одна общая черта: в них с беспощадной откровенностью показан жизненный образ труженика — жертвы старого мира.

О том, как под влиянием коммунистических идей писатель делает следующий шаг — к литературе, которая учит массы бороться и побеждать, к литературе социалистического реализма, можно судить по дальнейшему творчеству всех трех названных мастеров. Все они этот шаг сделали. В наибольшей мере это проявилось в произведениях Садриддина Айни. Писал ли он о настоящем (как в романе «Рабы») или о прошлом, на которое он взирал с высоты завоеванных позиций социализма (как в повести «Смерть ростовщика») — он показал, как органическое слияние социалистического мировоззрения с реалистическим художественным методом — что и составляет сущность социалистического реализма — повышает впечатляющую силу художественного произведения. Вместе с тем Айни доказал все огромное благотворное значение освоения передовой литературной традиции, в данном случае реалистических традиций восточных литератур.

Путь Айни — это типичный путь всех талантливых и передовых писателей народов Востока, путь, пройденный или проходимый ими ныне, что мы наблюдаем, прежде всего, в литературах Советского Востока, Китая, Кореи, Монголии, Вьетнама, или путь, на который они, несомненно, вступят, направляемые на него самой жизнью, своей творческой совестью.

Таким образом, социалистический реализм у писателей народов Азии и Африки — это художественный метод, не искусственно воспринимаемый, а порожденный новой эпохой и опирающийся на реалистические литературные традиции самого Востока. В этой органичности метода социалистического реализма для передовых писателей — залог их успеха и победы над всяческими подражательными модернистскими тенденциями.